

Научная статья

УДК: 821.161.1-31.09 "19"

DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.03

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТИ М. КОЗЫРЕВА «ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА»

Матвеева Ирина Ивановна

Институт гуманитарных наук

Московского городского педагогического университета,

matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Аннотация. В статье анализируется семиотическая структура сатирической повести М. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера», выявляется структурообразующая функция принципа зеркальности в организации смыслового пространства текста, при котором образ вымышленной автором страны Юбераллии словно отражается в зеркалах, в результате чего возникает эффект умножающихся отражений и амфилада смыслов. Анализ семиотического пространства повести позволяет доказать, что помимо декларируемого автором объекта критики — Германии 1930-х гг. — сатирическому осмыслению в повести подвергается Советская страна, которая изображается как мир несправедливости и абсурда.

Ключевые слова: сатира; семантика; интертекстуальность; подтекст; зеркальность; игра.

Для цитирования: Матвеева И. И. Семиотическое пространство повести М. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2021. № 4 (44). С. 26–37. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.03

Original article

SEMIOTIC SPACE OF M. KOZYREV'S NOVEL *THE FIFTH JOURNEY OF LEMUEL GULLIVER'S*

Irina I. Matveeva

Institute of Humanities,

Moscow City University,

matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Abstract. The article analyzes the semiotic structure of M. Kozyrev's satirical novel *The Fifth Journey of Lemuel Gulliver's*, reveals the structure-forming function of the principle of mirroring in the organization of the semantic space of the text. The image of the fictitious country of Huberallia is reflected in mirrors, which adds to the effect of multiplying "reflections" and creates an amphylada of meanings. The analysis of the semiotic space of the story proves that in addition to the object of criticism declared by the author —

Germany of the 1930s — the Soviet country which is portrayed as a world of injustice and absurdity makes the subject to satirical reflection in the story.

Keywords: satire; semantics; intertextuality; subtext; mirroring; the game.

For citation: Matveeva I. I. Semiotic Space of M. Kozyrev's Novel *The Fifth Journey of Lemuel Gulliver's*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2021; (4): 26–37. DOI: 10.25688/2076-913X.2021.44.4.03

Михаил Яковлевич Козырев (1892–1942) — писатель-сатирик, которого современники называли русским Свифтом. Повод для такого сравнения дала повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» (1936), которая не была напечатана при жизни автора, но ходила в списках среди единомышленников. Их круг был довольно широким: Козырев в 1920–1930-е гг. был тесно связан с литературной элитой страны, выступал на творческих вечерах [1, с. 142–143], был секретарем литературного объединения «Никитинские субботники», публиковался в одноименном издательстве.

Долго находившееся на периферии, творчество Козырева в последнее время введено в научный оборот стараниями М. О. Чудаковой, Б. Ланина, В. Перельмутера, Н. В. Умрюхиной, Зоновой [1–4], писателю посвятили свои работы О. В. Быстрова, С. А. Голубков, В. Виноградова, В. Кузьмин и др. Авторы статей создают подходы к научной биографии [1], анализируют сатирические и антиутопические произведения [4; 5], прослеживают развитие традиций классической сатиры [2, 3]. Однако повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» редко становится объектом исследования, чем обусловлена актуальность настоящей работы.

Чаще всего повесть прочитывается как очередное в мировой литературе продолжение романа Дж. Свифта и связывается с критикой фашистской Германии [1, 3]. Но подобное толкование произведения не представляется исчерпывающим. Действительно, повесть уже своим названием отсылает к роману Дж. Свифта и таким образом актуализирует семиотическое поле, связанное с сатирической традицией. Но только литературной игрой смысл повести не ограничивается. Цель настоящего исследования — проанализировать некоторые эксплицитные и имплицитные центры семиотического пространства произведения, показать точки пересечения текста с внетекстовыми явлениями, выявить на этой основе истинный объект сатирического обличения.

Если сюжет повести довольно прост (путешествие Гулливера в страну Юбераллию, где процветает произвол и насилие над личностью), то ее смысловая структура чрезвычайно сложна. Она представляет собой «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» [6, т. 1, с. 11–12]. Создавая повесть в условиях жесткой цензуры, Козырев стремился завуалировать свои истинные сатирические интенции, поэтому ориентировал читателя, с одной стороны, на роман Свифта, изданный и официально одобренный в Советском Союзе, с другой — апеллировал к Германии, в которой в 1930-е гг. набирал

силу фашистский режим. В то же время на периферии смысла возникает образ Советской России, который по мере развития сюжета активно продвигается в центр.

Предваряя анализ семантической структуры повести, отметим, что художественный текст Козырева ни в коей мере нельзя считать снимком окружающей действительности, но тем не менее он чрезвычайно референтен, а его элементы (образы, мотивы, цитаты и т. д.) обладают смысловой многолинейностью. Интертекстуальность повести следует понимать не только как включение в ее текст «других текстов с иным субъектом речи <...> преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [7, с. 346], но и в более широком смысле — как текст культуры и семиотическое пространство.

Всякое сатирическое произведение (будь оно в классической или неклассической форме) основано на игре, поскольку представляет собой особую «сферу деятельности с ее собственным устремлением» и «заранее обозначенным игровым пространством» [8, с. 15, 16], в нашем случае — с критическим устремлением и художественным пространством. Игра в повести Козырева начинается с самого начала — с отсылки к прецедентному тексту. Хотя кроме него встречаются многочисленные упоминания таких произведений, как «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Золотой осел» Апулея, «Сатирикон» Петрония, новеллы Декамерона и т. д. На страницах повести Козырев «полемизирует» с Платоном и его трактатом «Государство», с автором «Утопии» Т. Мором, что создает интересный диалог, изучение которого может стать самостоятельным исследованием. В гротескном мире повести ощущаются традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина с его городом Глуповом и типологические связи с сатирой М. Булгакова, Е. Замятина, А. Платонова.

Возможно, Козырев планировал опубликовать повесть, поэтому стремился направить цензуру по очевидному, но ложному следу традиционной смеховой сатиры. Роман Свифта в качестве основы как нельзя лучше соответствовал задаче писателя, тогда как в действительности Козырев использовал в своей повести диалогическую форму сатиры, следуя ведущей тенденции литературы начала XX в., о чем мы писали ранее [9, с. 36–37]. Маркерами Козырев сделал заглавие, отсылающее к произведению английского сатирика («Путешествия Гулливера»), имя героя, некоторые фрагменты романа, содержащие воспоминания о предшествующих приключениях Гулливера, пародирование прецедентного текста на уровне манеры изложения и стиля. Вместе с тем «Пятое путешествие» не пародия на роман Свифта, а как бы его продолжение, изображение незнакомой страны сквозь призму взгляда случайно попавшего в нее путешественника.

Центральный образ повести — вымышленная страна Юбераллия. Это гротескный образ, в котором причудливо переплелись черты деревни, средневекового города и современных Козыреву реалий. Как и многие сатирики, Козырев использовал «наивный» взгляд героя, для того чтобы вскрыть пороки страны. Гулливер, оказавшийся там в результате бегства из Англии, поначалу искренне

восхищается порядками Юбераллии, но постепенно все более устает от абсурда и, наконец, вынужден бежать.

Ряд исследователей справедливо утверждают, что объект сатиры Козырева — фашистская Германия середины 1930-х гг. [1]. Это, несомненно, подтверждают многие страницы повести. Например, приближенные к императору считают себя «высшей из всех существующих наций, принадлежность к которой только и дает право на звание человека» [10, с. 123]. Подобно Германии, высшей расой в Юбераллии признаются лишь граждане, сохранившие *чистоту своей крови* [10, с. 123], т. е. люди с голубыми глазами и белокурыми волосами. Чистоту расы юбералльцев поддерживает институт брака, поэтому женитьба и замужество разрешается только при соблюдении ряда условий и особых физических параметрах тела жениха и невесты:

«...требовалось медицинское свидетельство о здоровье жениха и невесты <...>, родословный список пяти предшествующих поколений для выяснения, не было ли в числе предков одного из брачующихся представителей *изгнанного племени*. Требовалось соответствия цвета волос, глаз и ширины плеч, а для невесты также определенная ширина бедер» [10, с. 143].

Приведенный эпизод метит в расовую теорию Ф. Ницше, взятую на вооружение фашистами (его идея царствующей над всеми белокурой бестии). Образ Германии возникает и в связи с упоминанием преследований изгнанного племени. Эвфемизм Козырева не позволяет усомниться в том, что речь идет о евреях, подлежащих в планах нацистов уничтожению. В то же время эпизод художественно иллюстрирует книгу «Народоведение» немецкого этнолога и культуролога Ф. Ратцеля, разделявшего народы на высшие и низшие¹. Любопытно, что этнолог проводил исследования не только на основе эмпирических наблюдений над бытом и нравами народов, но и на основе измерений объемов головы и тела народностей и племен разных континентов. Книга Ратцеля «Народоведение» (СПб., 1903) была переведена на русский язык и издана в России в начале XX в. и вскоре стала популярной среди интеллигенции.

В подтексте данного пассажа слышатся также отголоски отечественных теорий, в частности богдановской всеобщей организационной науки, согласно которой в обществе будущего все должно подчиняться математическому расчету: от материального производства до деторождения. Примечательно, что задолго до появления повести М. Козырева данную проблему художественно обозначил Е. Замятин в антиутопии «Мы». Его героиня О-90 лишена права родить ребенка из-за несоответствия «материнской норме». Козырев развил тему регламентированных супружеских отношений: в его повести возникает мотив любви разрешенной, одобренной всемогущим государством, а значит, лишенной свободы и естественности.

¹ Фридрих Ратцель (1844–1904) в другой своей книге «Политическая география» (1897) вывел семь законов пространственного роста государства, теоретически обосновывая то, что «растущий народ» занимает новые территории для увеличения своей численности. Выведенные им законы обосновывали неизбежность территориальных притязаний и экспансии.

К образу фашистской Германии обращают эпизоды, посвященные культуре и нравам юбералльцев. Например, в третьей главе сообщается, что «чтение <...> не было в обычае при дворе» [10, с. 123], а в восьмой описывается праздник «всенародного сожжения книг» [10, с. 146]. Особый цинизм «праздника» состоит в том, что *студенты* и *профессора* университетов должны, как язычники, танцевать и петь вокруг костров из пылающих книг, прыгать через огонь, неспособные же сделать это «навечно» исключаются «из ученого сословия» [10, с. 146].

На первый взгляд, критика в приведенном эпизоде нацелена на Германию, где в 1933 г. после прихода к власти национал-социалистов была организована кампания публичного сожжения книг и в которой деятельное участие принимали студенты — Немецкий студенческий союз. Но возникает закономерный вопрос: только ли нравы Германии имел в виду автор? На наш взгляд, здесь очевиден переход одного культурного контекста в другой, более близкий и знакомый автору. Об этом говорит предисловие к повести, где Козырев от лица рассказчика Чарльза Симпсона отрицает, что под Юбераллией подразумевается «нынешнее правительство одной дружественной державы, расположенной на берегах Рейна...» [10, с. 102]. Этой лукавой фразе можно доверять и не доверять. Неслучайно Козырев дал стране говорящее название. Юбераллия (от *нем.* *Überall* — повсюду) в переводе с немецкого языка означает место, не привязанное к конкретному городу или стране, но существующее везде, всюду. С одной стороны, автор прямо указывает на Германию, с другой — задает условный характер топоса. Наконец, используя эзоповский язык, он намекает на наличие другого объекта критики. Этим объектом становится Советский Союз с его классовым гегемонизмом и нарастающим пренебрежением к личности.

Актуализация «советского» кода заставляет обратиться при анализе приведенного эпизода к событиям культурной жизни страны, которые отлично опознавались современниками. Так, в период создания повести еще не была забыта кампания травли ученых формальной школы во главе с В. Шкловским, Б. Эйхенбаумом, Р. Якобсоном и др., которые подверглись остракизму и были вынуждены отказаться от своих взглядов. Неслучайно их называли «раскаявшимися врагами», но даже, несмотря на это, некоторые горячие головы призывали отправить их на принудительные работы (таков, например, был поэт и критик В. Эрлих, впоследствии сам репрессированный) [6].

В 1930-е гг. процесс закрепощения академической мысли пошел еще дальше. В это время Советский Союз взял курс на «создание централизованной плановой советской науки, ее идеологизацию, огосударствление, духовно-организационную “коллективизацию”» [11, с. 411], что повлекло за собой усиление карательных мер против профессорско-преподавательского состава и научных работников. В ходе так называемого пулковского дела² были осуждены

² «Пулковское дело» — сфабрикованный НКВД политический процесс, проходивший в 1936–1937 гг. и направленный на ученых, имевших научные связи с западными коллегами. Первоначально были репрессированы сотрудники Пулковской обсерватории, готовившиеся

ведущие ученые в разных областях наук. Это был урок всем интеллектуалам страны: отныне никакие научные заслуги не могли спасти инакомыслящих от расправы.

Так, постепенно находящийся на периферии смысловой узел, связанный с Советским Союзом, все более перемещается в центр, выстраиваясь в гротескный образ страны, зараженной насилием и страхом.

Писатель не мог остаться равнодушным к культурной политике страны «победившего пролетариата». Он поднял голос против рождения нового гомункулуса — литературы соцреализма. Опасность этого искусственно созданного «младенца» писатель видел в том, что его апологеты убивают истинную литературу.

«С особенным интересом прочел я одно из новейших философских сочинений, относящихся к кануну уничтожения книгопечатания... Автор <...> доказывал, что реален не предмет, а его отражение в зеркале, что только это отражение в действительности существует, а сам предмет иллюзорен...» [10, с. 186].

В настоящем фрагменте каждое слово играет смыслами. Очевидная отсылка к философии идеализма, несомненно, имеющая место, не должна уводить от главного объекта критики. Под новейшими философскими теориями здесь следует понимать не только философию Ницше, но и марксистско-ленинское учение, в частности ленинскую теорию отражения, взятую на вооружение соцреализмом. В приведенном здесь в сокращении фрагменте Козырев неслучайно четырежды упоминает слово «отражение».

Ирония писателя становится понятной, если обратиться к различным суждениям о советской литературе его современников. Так, А. В. Луначарский в докладе на втором пленуме Союза писателей СССР в 1933 г. назвал искусство идеологической надстройкой и наметил «правильные» пути изображения действительности: «... правда — она не похожа на себя самое... *правда — это завтрашний день* (здесь и далее курсив в цитатах мой. — И. М.), и *нужно ее видеть именно так...* <...> ...пролетариат хочет заглянуть в будущее, хочет, чтобы ему показали воочию, дали бы почувствовать, что такое коммунизм настоящий...» [12].

В противовес официальной точке зрения критик Д. П. Святополк-Мирский считал, что марксизм и ленинизм буквально «вколачиваются» в российскую культуру, что литература многое теряет от тирании цензуры [13, с. 159, 164]. Словно в подтверждение его слов А. К. Воронский, критикуя апологетов пролетарской литературы, заявлял, что произведения пролетарских писателей «никакая не литература, а красная иконопись, искажающая действительность» (цит. по: [14, с. 476]).

к солнечному затмению 19 июня 1936 г. и потому имевшие контакты с зарубежными учеными. Но затем круг обвиненных в контрреволюционной деятельности значительно расширился. Были арестованы ученые Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова, Ташкента и др.

В приведенном отрывке Козырев искусно замаскировал крамольный смысл, заменив слово «литература» словом «книгопечатание», и таким образом отослал фрагмент к значительно более раннему времени, однако в итоге его смысл стал еще более зловещим, так как новейшие теории, культивировавшие приукрашенное отражение мира, грозили уничтожением литературы, возвращением страны к средневековому, «допечатному» состоянию.

Как квинтэссенция тотальной лжи в повести выступает образ чудесного зеркала, в котором люди видят себя без морщин, уродств, в прекрасной одежде, тогда как в действительности они грязны, оборванны, голодны. По законам сатиры Козырев актуализировал в образе зеркала его мифопоэтическую символику границы, разделяющую земной и потусторонний мир. Но если в народной традиции зазеркалье опасно и грозит бедами, то у Козырева оно, напротив, показывает желаемое и то, чего нет на самом деле. Расположенные повсюду, зеркала создают у юбералльцев ложное чувство благополучия и достатка. Обносившийся Гулливер, попросивший у горничной нитку и иголку, был подведен к такому зеркалу, и непостижимым образом в отражении его костюм оказался новым и чистым, а волосы завитыми и причесанными. Таким зеркалом в Советском государстве призвано было стать искусство соцреализма, от представителей которого требовалось показывать мечту, опережающую действительность (В. И. Ленин). Другая проекция данного образа — партийная идеология, внедрявшая в сознание современников мысль о том, что им выпало счастье жить в самой прекрасной стране мира.

К политическому контексту 1920–1930-х гг. апеллируют многие страницы повести. Уже в первой главе, в эпизоде о добром и злом священниках, с которыми беседует Гулливер, содержится имплицитная отсылка к ситуации смены власти в России в 1920-е гг.:

«Но еще прежде, чем к старцу подкралась смерть, слабость здоровья заставила его покинуть кафедру и передать место молодому преемнику. Преемник этот посетил старика как раз в один из тех вечеров, когда мы вели наши беседы.

Молодой священник сразу же не понравился мне: низкий лоб, небольшие хищные и острые глазки и огромные челюсти напоминали о его слишком близком родстве с презренными еху» [10, с. 104].

В данном фрагменте содержится довольно прозрачный намек на болезнь В. И. Ленина, который два последних года жизни, оставив свой пост, находился в Горках под присмотром Сталина, к тому времени уже Генерального секретаря партии. Портретная характеристика молодого священника напоминает внешность Сталина (низкий лоб, острые глазки, большие челюсти). Упоминается и о жестокости священника, который не пощадил старца, укорив в добродушном отношении к еретикам, которые «еще остались в его приходе» [10, с. 104]. Такими еретиками для Сталина были сторонники Ленина во главе с Л. Д. Троцким (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. А. Бухарин). В период болезни Ленина Сталин стремился ограничить его контакты с товарищами

по партии и, очевидно, проводил работу, настраивая председателя Совнаркома против влиятельных членов ЦК. Сохранились воспоминания М. И. Ульяновой о беседах Ленина со Сталиным в Горках, свидетелем которых она была и в которых высказывалась серьезная критика Троцкого [15, с. 121]. К 1936 г., времени написания повести, судьба «еретиков» была предрешена, но люди еще не забыли отчаянную внутривнутрипартийную борьбу, в которой неизменно лидировал Сталин. Об этой борьбе в повести напоминают острые сатирические выпады: рассказ о борьбе враждующих лагерей в Юбераллии (длинно- и короткобородников), упоминание о принудительных работах молодых людей, причисленных к преступникам по причине отсутствия у них бород, изгнание из страны некоего предшественника императора и претендента на престол (намек на Троцкого), наличие тайных сторонников короткобородых, сеющих смуту среди простых людей.

Еще одна имплицитная отсылка к партийной верхушке страны — разговор старца с молодым священником, который произносит фразу о волках в овечьей шкуре. На первый взгляд, это цитата из Библии, из Евангелия от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Матф. 7:15). Но второй смысловой пласт фразы проявляется в ее сопоставлении с большевистской риторикой. В таком контексте она воспринимается как реминисценция к речам вождей. Известно, что будущий «отец всех народов», не владея в достаточной степени ораторским искусством, имел пристрастие к библейским образам и оборотам (отголосок его учебы в духовной семинарии) и к копированию высказываний Ленина, также использовавшего данное выражение. Так, в выступлении перед рабочими Кавказа в январе 1905 г. Сталин сказал: «...царское самодержавие сбрасывает, подобно змее, старую кожу... и, *переодевшись в овечью шкуру*, провозглашает политику примирения!»³. Важно отметить, что намеки Козырева тонки, завуалированы, а их смысл разнонаправлен. Сатирику было важно не назвать имя, а возбудить фантазию, перекинуть мостик к главному объекту своей критики.

В истории Советского Союза 1930-е гг. считаются временем жесточайшего террора. Работа над повестью совпала с показательными процессами на родине писателя (дело Промакадемии, суд убийцы Кирова Л. Николаева, суд над правой оппозицией и др.). Страна жила в атмосфере страха, доноительства. Передавая эту атмосферу, Козырев проводит тему арестов и судов. Тема лишения свободы возникает уже в начале повести, когда жена героя сообщает ему в последний вечер перед путешествием, что днем к ним дважды приходил шериф, имевший приказ об аресте Гулливера. Примечательно, что жена боится именно *ночного ареста*: «Если не хочешь попасть в тюрьму, — сказала она, — ради бога, не ночуй дома» [10, с. 106]. Но герой, в отличие от юбералльцев, обладает волей к свободе и предпочитает аресту бегство.

³ Сталин И. В. Рабочие Кавказа, пора отомстить! *Библиотека русской и советской классики: сайт*. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/stalin-pss18-01/stalin-pss18-01.html#s005007> (дата обращения: 09.12.2021).

Гитлеровская и сталинская социальная инженерия привела к созданию безропотного, законопослушного большинства. Эту рабскую подчиненность Козырев безжалостно высмеял на страницах повести. Юбералльцы смиренно исполняют абсурдные законы и готовы на любые жертвы: работники добровольно уменьшают свою заработную плату, крестьяне забывают о еде, так как «долг фермера — обрабатывать землю, а долг помещика — есть самому» и только потом «кормить своих фермеров» [10, с. 129]. Гулливеру внушают мысль о том, что подобные порядки соответствуют воле самого народа и что низшее сословие ни за что не изменит своей привычке плохо есть, бедно одеваться и ютиться в тесных конурах, потому что знает, что «смысл его существования в подчинении высшим» [10, с. 129].

Квинтэссенция социального абсурда — суд Юбераллии. Жители страны добровольно приходят к императору за наказанием и не молят о прощении, а просят более строгой казни для себя. Император милостиво отправляет людей на смерть через повешение или добровольное лишение головы. В стране процветает самобичевание и даже самоповешение. По решению суда граждане сами наказывают себя. Гулливер был потрясен зрелищем на центральной площади города, когда старик «прутом наносил удары по своему костлявому заду. <...> Спина была изрубцована до крови, а он продолжал отсчитывать удар за ударом» [10, с. 111]. Еще больше поразил его мужчина, который «прочел какую-то длинную бумагу... поднялся по лесенке и всунул голову в заранее приготовленную петлю» [10, с. 111–112].

Логика императора проста: «Если чиновник виноват — он сам покается, а если он не кается, значит, не виноват». Вывернутая наизнанку, эта фраза метила в политические процессы, начавшиеся в стране. Люди ужасались преступлениям видных политических деятелей, кающихся в совершении страшных грехов и просивших для себя суровых наказаний [15, с. 212]. Ход мыслей обывателей был именно такой: если кается, значит, виноват. Несмотря на страх и полуголодное существование, «оборванные, грязные и злые» юбералльцы считают, что живут в лучшей стране мира, а своего тирана-императора называют «равным только создателю и властелину вселенной» [10, с. 124]. Он же, утверждая свое всеисилие и наслаждаясь унижением подданных, провозгласил одного из придворных женщиной и через некоторое время выдал его замуж. Это уже намек на начинавшийся культ личности, грубую лесть и животный страх придворного круга. И титул императора — «отец солнца, царь луны, зажигатель звезд, спаситель всех птиц, зверей и китов» — не оставляет сомнений в том, что император — диктатор, в котором попеременно «мерцают» образы Гитлера и «отца всех народов».

Подводя итог, отметим, что повесть М. Козырева представляет собой цельный замкнутый универсум, внутри которого взаимодействуют различные смысловые пласты. Создавая художественную картину объективной реальности, автор использовал *принцип зеркальной симметрии*, когда текст выстроен как отражение объекта в зеркалах, поставленных одно против другого. Так,

в первом отражении мы видим текст романа Д. Свифта, во втором — Германию 1930-х гг., в третьем — Советский Союз. Выстраивается анфилада дальнейших отражений, в которых угадываются различные литературные тексты, политические и культурные события обеих стран, личности политиков, литераторов и т. д. Ядра семантической структуры, взаимодействуя, создают интересный диалог, усиливаются, вырабатывая новые смыслы. Автор-сатирик не просто создал гротескный образ бесчеловечного государства, но средствами эзоповского языка вложил в него сложную историко-культурную информацию. В итоге повесть «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера» активизирует коллективную культурную память и предупреждает об опасности тоталитарной власти.

Список источников

1. Чудакова М. О. Русский сатирик Михаил Козырев. *Вопросы литературы*. 1990; Июнь: 140–149.
2. Зонова Е. В. Сравнительно-типологический анализ повести М. Я. Козырева «Пятое путешествие Лемюэля Гулливера...» и романа Д. Свифта. *Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2007; № 8 (71): 66–69.
3. Зонова Е. В. Творчество М. Я. Козырева: поэтика сатирических рассказов и повестей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров; 2007. 19 с.
4. Умрюхина Н. В. Проза М. Я. Козырева 1920-х гг. (историко-литературный контекст, проблематика, поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва; 2005. 29 с.
5. Быстрова О. В. Сны и реальность в повести М. Козырева «Ленинград». *Русская литература XX века: Образ, язык, мысль: межвузовский сборник научных трудов*. М.: МПУ; 1995: 21–29.
6. Литература и язык. Литературная энциклопедия / под ред. А. П. Горкина. М.: Росмэн; 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5516 (дата обращения: 05.09.2021).
7. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Либроком; 2010. 448 с.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во И. Лимбаха; 2011. 416 с.
9. Матвеева И. И. Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы. *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2020; № 3: 35–44.
10. Козырев М. Пятое путешествие Гулливера. М.: Текст; 1991. 303 с.
11. Жуков В. Ю. «Пулковское дело». *Репрессированные геологи* / под ред. В. П. Орлова. М.; СПб.: [Б. и.]; 1999: 412–417.
12. Луначарский А. В. Социалистический реализм. Конспект доклада. *Наследие А. В. Луначарского: Философия, политика, искусство, просвещение: сайт*. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticeskij-realizm/> (дата обращения: 10.09.2021).
13. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Т. 2: Современная русская литература (1881–1925). М.: Эксмо; 2008. 920 с.

14. Огрызко В. Советский литературный генералитет. Судьбы и книги. М.: Литературная Россия; 2018. 912 с.
15. Радзинский Э. С. Сталин. Вся жизнь. М.: АСТ; 2016. 544 с. URL: <https://www.litres.ru/edvard-radzinskiy/stalin-vsya-zhizn> (дата обращения: 10.09.2021).

References

1. Chudakova M. O. Russkij satirik Mixail Kozy`rev. *Voprosy` literatury`*. 1990; Iyun` : 140–149. (In Russ.).
2. Zonova E. V. Sravnitel`no-tipologicheskij analiz povesti M. Ya. Kozy`reva «Pyatoe puteshestvie Lemyue`lya Gullivera...» i romana D. Svifta. *Vestnik TGPU. Seriya: Gumanitarny`e nauki*. 2007; № 8 (71): 66–69. (In Russ.).
3. Zonova E. V. Tvorchestvo M. Ya. Kozy`reva: poe`tika satiricheskix rasskazov i povestey: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kirov; 2007. 19 s. (In Russ.).
4. Umryuxina N. V. Proza M. Ya. Kozy`reva 1920-x gg. (istoriko-literaturny`j kontekst, problematika, poe`tika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva; 2005. 29 s. (In Russ.).
5. By`strova O. V. Sny` i real`nost` v povesti M. Kozy`reva «Leningrad». *Russkaya literatura XX veka: Obraz, yazy`k, my`sl` : mezhvuzovskij sbornik nauchny`x trudov*. М.: МПУ; 1995: 21–29. (In Russ.).
6. Literatura i yazy`k. Literaturnaya e`nciklopediya / pod red. A. P. Gorkina. М.: Rosme`n; 2006. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5516 (data obrashheniya: 05.09.2021). (In Russ.).
7. Arnol`d I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstual`nost`. М.: Librokom; 2010. 448 s. (In Russ.).
8. Xejzinga J. Homo ludens. Chelovek igrayushhij. Opy`t opredeleniya igrovogo e`lementa kul`tury`. SPb.: Izd-vo I. Limbaxa; 2011. 416 s. (In Russ.).
9. Matveeva I. I. Neklassicheskaya satira A. P. Platonova: e`steticheskie principy`, novy`e smy`sly`. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoje obrazovanie*. 2020; № 3: 35–44. (In Russ.).
10. Kozy`rev M. Pyatoe puteshestvie Gullivera. М.: Tekst; 1991. 303 s. (In Russ.).
11. Zhukov V. Yu. «Pulkovskoe delo». *Repressirovanny`e geologi` / pod red. V. P. Orlova*. М.; SPb.: [B. i.]; 1999: 412–417. (In Russ.).
12. Lunacharskij A. V. Socialisticheskij realizm. Konspekt doklada. *Nasledie A. V. Lunacharskogo: Filosofiya, politika, iskusstvo, prosveshhenie: sajt*. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-8/socialisticheskij-realizm/> (data obrashheniya: 10.09.2021). (In Russ.).
13. Svyatopolk-Mirskij D. P. Istoriya russkoj literatury` s drevnejshix vremen po 1925 god. T. 2: Sovremennaya russkaya literatura (1881–1925). М.: E`ksmo; 2008. 920 s. (In Russ.).
14. Ogrzy`zko V. Sovetskij literaturny`j generalitet. Sud`by` i knigi. М.: Literaturnaya Rossiya; 2018. 912 s. (In Russ.).
15. Radzinskij E`. S. Stalin. Vsya zhizn`. М.: AST; 2016. 544 s. URL: <https://www.litres.ru/edvard-radzinskiy/stalin-vsya-zhizn> (data obrashheniya: 10.09.2021). (In Russ.).

Библиографический список

1. Лотман Ю. М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра; 1992. 480 с.

Bibliographic list

1. Lotman Yu. M. Sbranie sochinenij: v 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury`. Tallin: Aleksandra; 1992. 480 s.

Информация об авторе

Матвеева Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature Department Institute of Humanities MCU.